

Republica Moldova

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

Перевод

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ

обращения № 154g/2020 г.

об исключительном случае неконституционности
ст. 21 ч. (2) п. f) Закона № 113 от 17 июня 2010 года о судебных
исполнителях

(грубое нарушение Кодекса профессиональной этики)

КИШИНЭУ

26 января 2021 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

Конституционный суд в составе:

Домника МАНОЛЕ, *председатель*,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН,
Владимир ЦУРКАН, *судьи*,

при участии *помощника судьи*, Кристины Кихай,

Принимая во внимание обращение,
зарегистрированное 1 октября 2020 г.,
рассмотрев предварительно указанное обращение,
учитывая акты и материалы дела,
проведя обсуждение в совещательной комнате 26 января 2021 г.,

выносит следующее определение:

ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

1. Основанием для рассмотрения дела послужило обращение об исключительном случае неконституционности ст. 21 ч. (2) п. f) Закона № 113 от 17 июня 2010 года о судебных исполнителях, представленное по запросу судебного исполнителя Андрея Госик, истца по делу № За-354/2020, рассматриваемому Апелляционной палатой Кишинэу.

2. Обращение об исключительном случае неконституционности было представлено в Конституционный суд судебным составом Коллегии по гражданским, коммерческим и административным делам Апелляционной палаты Кишинэу в лице Анатолия Минчуна, Екатерины Паланчук и Виктории Негру, в соответствии со ст. 135 ч. (1) п. а) и п. g) Конституции.

А. Обстоятельства основного спора

3. Дисциплинарная коллегия судебных исполнителей при Национальном союзе судебных исполнителей 5 октября 2018 года составила протокол и вынесла Решение № 387/336Dfa, согласно которому судебный исполнитель Андрей Госик за совершение дисциплинарного нарушения, предусмотренного ст. 21 ч. (2) п. f) Закона о судебных исполнителях, получил выговор с обязанностью обучения за свой счет в течение 24 академических часов.

4. Судебный исполнитель Андрей Госик 12 декабря 2018 года обратился в суд Кишинэу, сектор Рышкань, с иском заявлением

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

против Национального союза судебных исполнителей, Дисциплинарной коллегии судебных исполнителей при Национальном союзе судебных исполнителей, третьим лицом являясь Совет конкуренции, требуя отмены протокола и вышеуказанного решения.

5. Суд Кишинэу, сектор Рышкань, решением от 19 декабря 2019 года отклонил исковое заявление Андрея Госик, признав его необоснованным.

6. Судебный исполнитель Андрей Госик 14 января 2020 года обжаловал в апелляционном порядке вышеуказанное решение в Апелляционную палату Кишинэу.

7. Андрей Госик 17 июня 2020 года представил запрос об исключительном случае неконституционности ст. 21 ч. (2) п. f) Закона о судебных исполнителях.

8. Определением от 16 сентября 2020 года Апелляционная палата Кишинэу удовлетворила запрос об исключительном случае неконституционности и направила обращение в Конституционный суд для разрешения.

В. Применимое законодательство

9. Применимые положения Конституции:

Статья 1

Государство Республика Молдова

«[...]

(3) Республика Молдова – демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются».

Статья 22

Необратимость закона

«Никто не может быть осужден за действия или бездействие, которые в момент их совершения не составляли преступления. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в момент совершения преступления».

Статья 23

Право каждого человека на знание своих прав и обязанностей

«[...]

(2) Государство обеспечивает право каждого человека на знание своих прав и обязанностей. С этой целью государство публикует все законы и другие нормативные акты и обеспечивает их доступность».

10. Применимые положения Закона № 113 от 17 июня 2020 года о судебных исполнителях:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

Статья 21

Дисциплинарная ответственность

«(1) Судебный исполнитель несет дисциплинарную ответственность за совершение дисциплинарных нарушений.

(2) Считаются дисциплинарным нарушением:

[...]

f) грубое нарушение Кодекса профессиональной этики;

[...]

(3) В случае приостановления или прекращения деятельности судебного исполнителя он продолжает нести дисциплинарную ответственность в отношении предусмотренных частью (1) действий или бездействий, совершенных им в период осуществления деятельности судебного исполнителя.

Статья 24

Дисциплинарные взыскания

«(1) Дисциплинарные взыскания налагаются в соответствии с тяжестью деяния и являются следующими:

а) предупреждение, с обязанностью обучения за собственный счет на протяжении от 4 до 8 академических часов;

б) выговор, с обязанностью обучения за собственный счет на протяжении от 8 до 24 академических часов;

с) штраф;

д) приостановление деятельности судебного исполнителя на срок от одного до 6 месяцев;

е) аннулирование лицензии.

[...]».

ВОПРОСЫ ПРАВА

А. Аргументы автора обращения

11. В обоснование обращения об исключительном случае неконституционности автор отмечает, что положения ст. 21 ч. (2) п. f) Закона о судебных исполнителях не отвечают требованиям качества закона.

12. По мнению автора обращения, слово «грубое», содержащееся в этих положениях, является непредсказуемым, так как ни один из нижеперечисленных актов – Закон о судебных исполнителях, Кодекс профессиональной этики или Кодекс этики – не устанавливает каких-либо критериев, по которым можно определить, насколько серьезным является нарушение. Непредсказуемость положений позволяет Дисциплинарной коллегии судебных исполнителей при Национальном союзе судебных исполнителей, налагающей дисциплинарные взыскания, прибегать к их неправомерной и дискреционной интерпретации.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

13. Автор обращения отмечает, что Кодекс профессиональной этики был отменен в 2015 году и вместо него был принят Кодекс этики. В связи с этим, автор обращения подчеркивает, что оспариваемые положения четко предусматривают наложение дисциплинарной ответственности за грубое нарушение Кодекса профессиональной этики. Кодекс этики в этих положениях не упоминается.

14. Автор обращения отмечает, что, хотя Кодекс профессиональной этики был отменен, он был наказан за грубое нарушение его положений.

15. Автор обращения отмечает, что, согласно практике ЕСПЧ, чтобы отвечать требованию предсказуемости, закон должен достаточно ясно определять пределы и способы применения органами власти свободы усмотрения в соответствующей области, с учетом правомерности цели. Не разграниченная дискреционная власть, даже если составляет предмет судебного контроля, с формальной точки зрения, не может пройти тест на соответствие требованиям ясности.

16. Автор обращения отмечает, что оспариваемые положения противоречат ст. 1 ч. (3), ст. 22 и ст. 23 ч. (2) Конституции.

В. Оценка Конституционного суда

17. Проанализировав с точки зрения приемлемости обращение, Конституционный суд отмечает следующее.

18. В соответствии со ст. 135 ч. (1) п. а) Конституции, конституционный контроль законов, в рассматриваемом случае некоторых положений Закона о судебных исполнителях, относится к компетенции Конституционного суда.

19. Конституционный суд отмечает, что обращение об исключительном случае неконституционности было представлено уполномоченным субъектом, по запросу одной из сторон процесса (см. выше § 1-2), в соответствии со ст. 135 ч. (1) п. а) и п. г) Конституции, в свете ее толкования Постановлением Конституционного суда № 2 от 9 февраля 2016 года.

20. Предметом обращения являются положения ст. 21 ч. (2) п. f) Закона № 113 от 17 июня 2010 года о судебных исполнителях, согласно которым грубое нарушение Кодекса профессиональной этики является дисциплинарным нарушением.

21. Запрос об исключительном случае неконституционности был представлен в рамках дела, предметом которого является рассмотрение апелляционной жалобы на решение суда Кишинэу, сектор Рышкань, которым, в том числе на основании оспариваемых положений, была отклонена жалоба на протокол и решение о наложении взыскания (см. выше §§ 5-7). Таким образом, Конституционный суд допускает, что апелляционная инстанция рассмотрит способ применения оспариваемых положений по делу.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

22. Конституционный суд отмечает, что оспариваемые положения ранее не составляли предмет конституционного контроля.

23. Конституционный суд отмечает, что другим обязательным условием для рассмотрения обращения по существу является действие по делу конституционного права. Так, Конституционному суду надлежит проверить, в свете доводов автора обращения, составляют ли оспариваемые положения вмешательство в одно из основных прав (см. ОКС № 56 от 2 июня 2020 г., § 21; ОКС № 61 от 11 июня 2020 г., § 35; ОКС № 107 от 29 сентября 2020 г., § 25; ОКС № 116 от 13 октября 2020 г., § 18; ОКС № 125 от 22 октября 2020 г., § 22; ОКС № 135 от 24 ноября 2020 г., § 18).

24. Автор обращения полагает, что оспариваемые положения противоречат конституционным нормам ст. 1 ч. (3) [*верховенство права*], ст. 22 [*необратимость закона*] и ст. 23 ч. (2) [*качество закона*].

25. В своей практике Конституционный суд установил, что ст. 1 ч. (3) и ст. 23 ч. (2) Конституции не имеют самостоятельного значения. Они подлежат применению только в соотношении с другими конституционными нормами (см. ПКС № 3 от 18 января 2019 г., § 18; ПКС № 19 от 24 сентября 2019 г., § 16; ПКС № 29 от 12 декабря 2019 г., § 19; ПКС № 6 от 10 марта 2020 г., § 25; ПКС № 13 от 21 мая 2020 г., § 41; ПКС № 25 от 29 октября 2020 г., § 29).

26. Наряду с этим, Конституционный суд установил, что не существует, с точки зрения качества закона, конституционного вопроса, если не нарушено одно из основных прав (ОКС № 56 от 2 июня 2020 г., § 23; ОКС № 61 от 11 июня 2020 г., § 37; ОКС № 95 от 4 августа 2020 г., § 21).

27. Положения ст. 22 Конституции гарантируют необратимость закона, в том числе принцип законности уголовного обвинения и наказания (*nullum crimen, nulla poena sine lege*).

28. В практике Конституционного суда в отношении ст. 22 Конституции отмечалось, что принцип законности обвинения и уголовного наказания запрещает расширительное толкование и применение уголовного закона по аналогии, в ущерб обвиняемому. Конституционный суд неоднократно подчеркнул, что данная статья запрещает распространение сферы действия существующих преступлений на поступки, которые на момент совершения не являлись преступлениями (см., в этом смысле, ПКС № 22 от 1 октября 2018 г., § 37; ОКС № 25 от 25 февраля 2019 г., § 16; ОКС № 77 от 2 июля 2020 г., § 21).

29. Таким образом, Конституционный суд отмечает, что принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*, предусмотренный ст. 22 Конституции, применяется в случае уголовных дел и дел о правонарушениях.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

30. Для установления действия ст. 22 Конституции в случае ст. 21 ч.(2) п. f) Закона о судебных исполнителях Конституционный суд рассмотрит, если предусмотренная законом и обжалованная автором обращения мера может обозначить уголовное обвинение.

31. Для анализа этого аспекта Конституционный суд изучит аналогичные дела в практике ЕСПЧ.

32. Как указал ЕСПЧ в своей практике, «существование уголовного обвинения» необходимо оценивать при помощи трех критериев, так называемых «*требований Энгель*» (*Энгель и другие против Нидерландов*, 8 июня 1976 г., § 82). Первый критерий заключается в правовой оценке нарушения во внутреннем праве, второй – в природе нарушения и третий – в степени тяжести наказания, налагаемого на лицо. Второй и третий критерии являются альтернативными, не обязательно кумулятивными. Это не исключает их совокупное применение, если отдельный анализ каждого критерия не приводит к твердому выводу о наличии уголовного обвинения (см. *Jussila против Финляндии* [БП], 23 ноября 2006 г., §§ 30-31).

33. Во многих делах ЕСПЧ изучил ст. 6 § 1 Конвенции в уголовном плане применительно к дисциплинарным производствам. В некоторых случаях ЕСПЧ пришел к выводу, что дисциплинарные производства не составляют «уголовные обвинения». Эти дела касались ряда профессиональных групп, в частности, адвокатов (*Müller-Hartburg против Австрии*, 19 февраля 2013 г., §§ 41-48; *Helmut Blum против Австрии*, 5 апреля 2016 г., § 59; *Biagioli против Сан-Марино*, 13 сентября 2016 г., §§ 51-57); судебных ликвидаторов (*Галина Костова против Болгарии*, 12 ноября 2013 г., § 52); судей (*Олександр Волков против Украины*, 9 января 2013 г., §§ 92-95; *Di Giovanni против Италии*, 9 июля 2013 г., § 35; *Стуруа против Грузии*, 28 марта 2017 г., § 28; *Katenos против Кипра*, 31 октября 2017 г., §§ 50-53); нотариусов (*Durand против Франции (dec.)*, 31 января 2012 г., §§ 55-60; *Peleki против Греции*, 5 марта 2020 г., §§ 35-41).

34. По одному делу об исключении судебного исполнителя из профессии за многочисленные нарушения ЕСПЧ отметил, что внутренние производства, возбужденные в отношении судебного исполнителя, «не указывали на необходимость назначения уголовного обвинения». Оценив, что увольнение заявителя является дисциплинарной мерой, ЕСПЧ подчеркнул, что заявитель имел право обжаловать наложенные на него дисциплинарные взыскания в административный суд (см. *Bayar против Германии*, 16 июля 2009 г., §§ 37-38). Таким образом, ЕСПЧ установил действие ст. 6 Конвенции – в ее гражданском аспекте – в отношении дисциплинарных производств (см. *Melek Sima Yılmaz против Турции*, 30 сентября 2008 г., § 19; *Olujić против Хорватии*, 5 февраля 2009 г., §§ 34, 44; *Bayar против Германии*, 16 июля 2009 г., § 39).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

35. По другому делу, в котором судья был исключен из профессии за дисциплинарные нарушения, чтобы узнать, носит ли обвинение уголовный характер, ЕСПЧ применил критерии *Энгель*. ЕСПЧ отметил, что поступок судьи составляет дисциплинарное нарушение и связано с исполнением этой должности, а наказание за это дисциплинарное нарушение состоит в исключении из профессии. В этом случае за несоответствующее поведение судья был отстранен от должности председателя суда и исключен из судебной системы. При этом ЕСПЧ отметил, что исключение заявителя из судебной системы не помешало ему заниматься адвокатской деятельностью. Таким образом, ЕСПЧ указал, что производство в отношении судьи носило дисциплинарный характер и не составляло уголовное обвинение (*Kamenos против Кипра*, 31 октября 2017 г., §§ 50-53).

36. По другому делу об исключении судьи из профессии ЕСПЧ отметил, что к заявителю было применено наказание за несоблюдение должностных обязанностей – поступок, предусмотренный законом о дисциплинарном производстве. Наказание носило дисциплинарный характер и было наложено на заявителя за профессиональные нарушения, и по внутреннему праву отличалось от уголовных наказаний, применяемых к судьям в случае вынесения незаконных решений, указывающих на злой умысел. ЕСПЧ посчитал, что поступок заявителя не имеет отношения к уголовному обвинению, в смысле ст. 6 Конвенции (*Олександр Волков против Украины*, 9 января 2013 г., §§ 93, 95).

37. По настоящему делу Конституционный отмечает, что ст. 21 ч. (2) п. f) Закона о судебных исполнителях квалифицирует грубое нарушение Кодекса профессиональной этики, как дисциплинарное нарушение, за совершение которого налагается дисциплинарное взыскание в условиях указанного закона.

38. Конституционный суд подчеркивает, что, согласно ст. 24 ч. (1) Закона о судебных исполнителях, дисциплинарные взыскания налагаются в соответствии с тяжестью деяния и являются следующими: а) предупреждение, с обязанностью обучения за собственный счет на протяжении от 4 до 8 академических часов; б) выговор, с обязанностью обучения за собственный счет на протяжении от 8 до 24 академических часов; в) штраф; г) приостановление деятельности судебного исполнителя на срок от одного до 6 месяцев; д) аннулирование лицензии.

39. Конституционный суд отмечает, что в рассматриваемом случае за совершение дисциплинарного нарушения, установленного оспариваемыми положениями, судебный исполнитель получил выговор, будучи обязан пройти обучение за собственный счет на протяжении 24 академических часов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

40. Руководствуясь рассуждениями ЕСПЧ, Конституционный суд отмечает, что наказания за совершение грубого нарушения Кодекса профессиональной этики носят дисциплинарный характер. На это указывают как сами положения закона, так и полномочия органа, налагающего взыскания (Дисциплинарная коллегия судебных исполнителей при Национальном союзе судебных исполнителей), а также характер производства, возбужденного данным органом (см. ст.23-23¹ Закона о судебных исполнителях).

41. Касательно характера дисциплинарного нарушения, установленного оспариваемыми положениями, Конституционный суд отмечает, что эти положения не имеют широкого применения. Они распространяются только на членов одной профессиональной группы – судебных исполнителей, которые обладают особым статусом.

42. В этой связи, Конституционный суд отмечает, что в практике ЕСПЧ отмечалось, что лица определенных профессий должны проявлять большую осторожность в деятельности, которой они занимаются. От них ожидается, что они осознают риски, присущие их деятельности (*Satakunnan Markkinapörssi Oy и Satamedia Oy против Финляндии* [БП], 27 июня 2017 г., § 145; *Sekmadienis Ltd. Против Ливны*, 30 января 2018 г., § 65).

43. Конституционный суд подчеркивает, что действия, которые могут привести к возбуждению дисциплинарного производства, свидетельствуют о несоблюдении строгих правил поведения, предписанных для их профессии. Дисциплинарное производство имеет целью обеспечивать неподкупность, достоинство и профессиональную репутацию судебного исполнителя, а также доверие граждан к профессии судебного исполнителя.

44. Конституционный суд отмечает, что дисциплинарные нарушения рассматриваются в рамках производства, предусмотренного ст. 23 Закона о судебных исполнителях. Согласно данной статье, по обращению компетентных субъектов, Коллегия назначает заседание по рассмотрению дисциплинарного дела. В ходе заседания судебный исполнитель, его адвокат или представитель имеют право давать объяснения, представлять доказательства и формулировать заявления (ст. 23 Закона). Конституционный суд подчеркивает, что решение Дисциплинарной коллегии может быть обжаловано, без необходимости соблюдения предварительной процедуры, в судебную инстанцию в течение 30 дней с даты сообщения лицу, привлеченному к дисциплинарной ответственности (ст. 24 ч. (7) закона).

45. Что касается характера и степени тяжести налагаемых взысканий, Конституционный суд отмечает, что они носят менее суровый характер, чем уголовные наказания. Конституционный суд заключает, что грубое нарушение со стороны судебных исполнителей Кодекса профессиональной этики, которое, согласно оспариваемым

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ № 154G/2020

положениям, является дисциплинарным нарушением, не составляет уголовное обвинение. Следовательно, по настоящему делу ст. 22 Конституции не подлежит применению.

46. Поскольку автор обращения не подтвердил аргументами вмешательство в другие основные права, гарантированные Высшим законом, Конституционный суд не может осуществить контроль оспариваемых положений с точки зрения верховенства права и требований качества закона, предусмотренных ст. 1 ч. (3) и ст. 23 ч. (2) Конституции.

47. Более того, Конституционный суд отмечает, что автор обращения под предлогом непредсказуемости оспариваемых положений в своих доводах в действительности высказывает свое несогласие с трактовкой и формой применения при рассмотрении его дела оспариваемых положений. Конституционный суд напоминает, что разрешение вопросов, связанных с толкованием и применением закона, не входит в компетенцию Конституционного суда. Данная компетенция по определению принадлежит судебным инстанциям (см. ОКС № 5 от 20 января 2020 г., § 22; ОКС № 28 от 12 марта 2020 г., § 56; ОКС № 38 от 7 апреля 2020 г., § 31; ОКС № 6 от 11 января 2021 г., § 26).

48. Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд отмечает, что обращение является неприемлемым и не может быть принято к рассмотрению по существу.

Руководствуясь положениями ст. 135 ч. (1) п. g) и ст. 140 ч. (2) Конституции, ст. 26 ч. (1) Закона о Конституционном суде, ст. 61 ч. (3) и ст. 64 Кодекса конституционной юрисдикции, Конституционный суд

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. *Признать неприемлемым* обращение об исключительном случае неконституционности ст. 21 ч. (2) п. f) Закона № 113 от 17 июня 2010 года о судебных исполнителях, представленное по запросу судебного исполнителя Андрея Госик, истца по делу № 3а-354/2020, рассматриваемому Апелляционной палатой Кишинэу.

2. Настоящее определение является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня принятия и публикуется в «Monitorul Oficial al Republicii Moldova».

Председатель

Домника МАНОЛЕ

Кишинэу, 26 января 2021 г.

ОКС № 8

Дело № 154g/2020 г.